

Хуай Янь терпеть не мог, когда на постели оставался чужой запах. Выйдя из душа, он первым делом перестелил постель, сменив простыни и пододеяльник.

Сам он переоделся в свежую пижаму из мерцающего шелка — тончайшего, невесомого материала, скользящего по коже прохладной волной. При каждом движении ткань, подобно струящемуся туману, деликатно очерчивала силуэт: широкий разлет плеч, узкую талию и мягкий изгиб бедер.

Хуай Янь бросил взгляд на часы. Половина шестого. Еще полчаса — и ровно в шесть на куполе Подземного города вспыхнет искусственное солнце, пробуждая погруженные во тьму кварталы.

Улегшись на свежие простыни, Хуай Янь так и не смог сомкнуть глаз. Мысли упрямо возвращались к недавнему сновидению, воскрешая в памяти образ его погибшего супруга — Чжу Чэньюаня.

Впрочем, само слово «любимый» всякий раз заставляло Хуай Яня внутренне вздрагивать, а во взгляде проскальзывало мимолетное смятение.

Дело в том, что в момент гибели Чжу Чэньюаня они находились на грани развода. Хуай Янь до сих пор не знал, имел ли он право называть этого человека своей любовью. Одно оставалось неоспоримым: по закону Чжу Чэньюань ушел из жизни, будучи его официальным мужем.

Они поженились всего через год после знакомства. В белоснежной церкви, одетые в одинаковые фраки, они обменялись кольцами и клятвами верности. Увы, семейная идиллия продлилась недолго — спустя три года их брак дал глубокую трещину.

Если быть точным, инициатором разрыва выступил Хуай Янь. Чжу Чэньюань категорически отказывался подписывать бумаги, и последние три месяца они жили раздельно.

Законы Подземного города суровы, но практичны: брак расторгается либо по обоюдному согласию, либо после двух лет официального раздельного проживания. По истечении этого срока системе достаточно заявления лишь одного из супругов, чтобы автоматически аннулировать союз.

В трубке во время их последнего разговора шумел бурлящий поток Подземной реки — ее горячие волны глухо бились о скалы. В самом сердце бездны тогда зрела буря, предвещающая неизбежную катастрофу.

Хуай Янь хорошо помнил тот день. Он сидел в глубоком кожаном кресле своего кабинета, зажав тонкими пальцами сигарету. Прикусил фильтр зубами и сделал глубокую затяжку.

Облако сизого дыма медленно опустилось на письменный стол, окутывая исписанные

убористым почерком листы. Это были только что подготовленные документы и соглашение о расторжении брака.

С высоты тридцать второго этажа — вершины самого высокого небоскреба Подземного города — через панорамное окно открывался вид на залитые искусственным закатным светом улицы. Шел шестой час вечера.

Подвешенное под куполом искусственное солнце послушно следовало годовому циклу. Оно имитировало смену времен года — от весеннего цветения до зимних метелей, оживляя холодный мрак погребенного в недрах мегаполиса.

В тот миг половина огромного свода окрасилась в нежные оттенки лилового и розового. Этот искусственный закат завораживал своей иллюзорной красотой.

Точно таким же нереальным был и его союз с Чжу Чэньюанем.

Муж что-то скрывал. Хуай Янь забил тревогу за три месяца до того, как решился подать заявление. Чжу Чэньюань время от времени пропадал на несколько дней и возвращался со свежими ранами, которые никак не походили на производственные травмы.

На все расспросы Чжу Чэньюань отнекивался банальными оправданиями. Хуай Янь даже пытался следить за ним. Выяснилось, что тот регулярно навещал какого-то юношу, однако их встречи носили исключительно платонический характер. Об измене не шло и речи.

Но что тогда происходило? Хуай Янь терялся в догадках.

Чжу Чэньюаня изводила бессонница, сделав его тревожным и раздражительным. По ночам он подолгу курил на балконе, уставившись в темноту. Хуай Янь же, сгорая от обиды и чувства, что его водят за нос, то и дело срывался. Их некогда мирный дом превратился в поле бесконечных, изматывающих ссор.

И их брак казался Хуай Яню фальшивкой — безупречно отрепетированным спектаклем под софитами. И тогда он решил положить этому конец.

— Я все обдумал, — ровным, но хриплым от табачного дыма голосом произнес Хуай Янь в трубку. — Как только вернешься из экспедиции по Подземной реке, мы официально оформим развод. Я уже готовлю документы и соглашение. Один экземпляр отправлю тебе на ознакомление. Если возникнут вопросы — обсудим.

В ту ночь Хуай Янь так и не ушел домой. Он просидел в кабинете до рассвета. В какой-то момент пальцы ослабли, ручка выскользнула и упала на стол, оставив на титульном листе жирную кляксу, которая медленно расплылась по напечатанному крупным шрифтом слову «Развод».

Пакет документов был скромным: удостоверение личности, выписка из реестра жителей Подземного города, свидетельство о регистрации брака, фотографии и сам проект соглашения. Всего с десяток листов в плотном конверте из крафтовой бумаги, но этот конверт казался неподъемным, словно налитый свинцом.

Хуай Янь почувствовал, как нервно дернулось веко. Он не верил в приметы, но дурное предчувствие тяжелым камнем легло на душу. В воздухе висело ощущение надвигающейся беды.

Связаться с Чжу Чэньюанем больше не удалось. Его телефон молчал. Посланный Хуай Янем поисково-спасательный отряд вышел на связь лишь глубокой ночью.

В русле Подземной реки произошел масштабный обвал. Спасателям потребовалось лишних четыре часа, чтобы пробиться сквозь завалы к месту происшествия. Из исследовательской группы Чжу Чэньюаня, состоявшей из четырех человек, не выжил никто. Они погибли мгновенно, не успев даже отправить сигнал бедствия.

— А его... тело?

Последнее слово Хуай Янь выговорил едва слышно, перехваченным от волнения горлом.

Ополовиненная пачка сигарет опустела. Пальцы мелко дрожали, не удерживая тлеющий окурок. Горячий пепел упал на черные брюки, оставив на ткани крошечную серую подпалину — уродливое пятно, похожее на метку смерти.

Он тупо смотрел на прожженную дырочку, а его глаза наливались багровой краской.

— Брат Янь, прими наши соболезнования... Тела нет.

Тектонический сдвиг разорвал дно реки глубокой трещиной, а обрушившаяся порода погребла под собой исследовательскую группу. Чжу Чэньюань и его люди навсегда остались там, под завалами.

Хуай Янь сгреб лежащие на столе листы соглашения и с яростной силой смял их в комок, вонзая ногти в плотную бумагу. Острые края рваных листов ранили не пальцы — они вонзились прямо в сердце. Боль была настолько осязаемой, физической, что во рту появился отчетливый металлический привкус крови.

— Чжу Чэньюань... Мы ведь даже не развелись. Как ты мог просто взять и умереть? — Глаза Хуай Яня обожгло слезами, очертания кабинета поплыли. — Мы ведь так и не договорили. Как ты мог?!

В том последнем телефонном разговоре Чжу Чэньюань обещал, что если вернется живым, то

расскажет всю правду. Но какую тайну он собирался открыть?

То, из-за чего они без конца ругались? Он наконец решился на откровенность?

Хуай Янь не знал. За три года он так и не смог докопаться до истины самостоятельно.

Перед тем как повесить трубку, муж произнес еще несколько слов. Его голос дрожал, но звучал поразительно твердо.

«Жена, мне понадобилось восемнадцать лет, чтобы наконец назвать тебя своим. Я скорее сдохну, чем дам тебе развод. Ты принадлежишь мне, и это навсегда».

«Слышишь меня, Хуай Янь? При жизни ты мой, и после смерти останешься моим».

Судьба сыграла с ними злую шутку. Хуай Янь остался жить, а Чжу Чэньюань ушел первым.

Бросив эти собственнические, властные слова, он исчез навсегда.

Но здесь скрывалась какая-то нестыковка.

Время. Время не сходилось.

От их первой встречи до свадьбы прошло чуть больше четырех лет.

Откуда взялись восемнадцать лет?

Ровно в шесть часов купол Подземного города залило ярким искусственным солнцем. Хуай Янь никогда не залеживался в постели. Откинув одеяло, он поднялся на ноги. От ночных призраков не осталось и следа: его лицо вновь обрело привычную холодную бесстрастность.

В планах на утро значились два рабочих совещания, а вечером его ждал частный банкет — мальчишник по случаю скорой свадьбы его близкого друга Чжан Цзюньхао.

Родители вынудили Цзюньхао пойти на этот шаг ради выгодного союза с влиятельным семейством. По условиям брачного договора жених обязывался в течение трех лет вести себя безупречно и не ввязываться в интрижки. Малейший проступок — и его лишат права наследования, передав семейное дело единокровному брату-бастарду, которого Цзюньхао ненавидел всей душой.

Оказавшись под таким давлением, бывший повеса и завсегдатай клубов был вынужден покориться.

Именно поэтому к своей прощальной вечеринке Чжан Цзюньхао готовился с особым размахом. Он пригласил кучу модных знаменитостей, намекая на все сопутствующие вольному образу жизни развлечения. Хуай Янь собирался заглянуть туда исключительно из вежливости — просто отметить.

Ему претили подобные оргии, замешанные на дешевой стимуляции рецепторов. Обыкновенный бунт гормонов — кровь закипает на пару часов, а потом неизбежно наступает опустошение.

Когда Хуай Янь делился этими мыслями с другом, тот лишь усмехался в ответ:

— А когда ты женился на Чжу Чэньюане, разве тобой двигали не гормоны?

На этот выпад Хуай Янь предпочитал не отвечать. Ответ был слишком очевиден: да, Чжу Чэньюань обладал над ним абсолютной властью. Рядом с ним Хуай Янь раз за разом терял контроль и всякую способность здраво мыслить, готовый вечно падать в эту сладкую бездну. Но он также знал, что их связь никогда не ограничивалась одной лишь физической тягой.

Потерев уставшие веки, Хуай Янь усилием воли изгнал призрак прошлого из мыслей. Хватит ворошить былое. Обув домашние туфли, он толкнул скрытую дверь и вошел в просторную гардеробную.

Его вкусы в одежде отличались завидным постоянством. На ночь — исключительно тончайший шелк, днем — безупречная классика. Полки и вешалки ломились от бесчисленных костюмов, строго рассортированных по фасонам, брендам и цветовой гамме: от молочно-белых до глубоких угольных оттенков.

Рубашки, галстуки, запонки, зажимы, держатели для рукавов, дорогие хронографы — каждый аксессуар покоился в собственной ячейке. Перед началом каждого сезона личный кутюрье обновлял его гардероб, присылая свежую коллекцию.

Сегодня Хуай Янь остановил выбор на свободном черном блейзере и белой рубашке оригинального кроя с глубоким V-образным вырезом. Без галстука и с расстегнутым воротом образ получался достаточно строгим, но лишенным лишнего официоза. Классические брюки выгодно подчеркивали его стройную фигуру, добавляя облику благородной небрежности.

Он прикрепил к манжетам запонки с сапфирами — точно такими же, какими была инкрустирована рукоять небольшого кинжала, скрытого под подкладкой пиджака. Оружие можно было заметить, лишь когда он расстегивал полы верхней одежды.

В столовой его уже ждал робот-дворецкий Анно. На столе остывал завтрак: крепкий черный

кофе, тосты из цельнозерновой муки, пара глазуний с жидким желтком и традиционный блинчик с яйцом.

Хуай Янь терпеть не мог андроидов, пугающе похожих на живых людей, поэтому Анно выглядел как классический механизм старого образца. За его грубым металлическим каркасом скрывался мощнейший процессор последнего поколения. Шарнирные конечности двигались плавно и бесшумно — при необходимости этот металлический слуга мог мгновенно превратиться в безжалостного боевого робота.

Хуай Янь опустил на стул. Анно тут же приступил к ежедневному утреннему ритуалу — бесконтактному сканированию жизненных показателей хозяина.

Температура тела, пульс, давление и частота дыхания соответствовали норме. Единственным отклонением оказался трехсантиметровый порез на большом пальце правой руки. Анализатор мгновенно определил глубину повреждения: травма была нанесена лезвием того самого коллекционного кинжала, что крепился к поясу Хуай Яня.

Считывая мимику лица, Анно выдал резюме: душевное состояние господина сегодня оставляло желать лучшего.

Зафиксировав данные в памяти, робот сфокусировал линзы оптических датчиков на руке хозяина, державшей палочки для еды.

— Господин Хуай, на вашем пальце глубокий порез. Желаете, чтобы я обработал рану?

Кожа вокруг пореза стянулась, сквозь нее проступала сукровица. Каждый раз, когда палочки задевали поврежденный участок, палец отзывался тупой, ноющей болью. Жить не мешало, но и забыть о себе рана не давала.

— Не нужно, — безучастно бросил Хуай Янь.

— Сегодня на рассвете наш дом поспешно покинул один молодой человек, — ровным металлическим голосом произнес Анно. — Вы спали с ним?

«Опять за свое», — Хуай Янь мысленно вздохнул. Его дворецкий был идеален во всем, за исключением одной дурацкой привычки: он умудрялся с абсолютным хладнокровием расспрашивать о вещах интимных и совершенно неподобающих для праздных бесед.

— Разумеется, нет, — ответил Хуай Янь.

— Я так и думал. Вы, похоже, физически не способны подпустить к себе кого-то, кроме господина Чжу, — понимающе кивнул робот. — Будь господин Чжу жив, он бы непременно оценил вашу трехлетнюю верность. И, весьма вероятно, сделал бы так, чтобы вы следующие

три года не смогли подняться с кровати.

—... Ты не мог бы заняться чем-нибудь полезным?

— Разумеется, — отозвался Анно. — Пойду полью орхидею, которую посадил господин Чжу.

— Не трогай ее, — перебил его Хуай Янь. — Я сам полью.

— Не беспокойтесь, это была шутка, — отозвался андроид. — Но если бы господин Чжу был жив и узнал, что вы поливали его цветок три года подряд, он был бы безмерно тронут. И, полагаю, сделал бы так, чтобы вы следующие три года не смогли подняться с кровати.

— Анно, — не выдержал Хуай Янь. На его виске отчетливо запульсировала жилка. Он смерил робота тяжелым взглядом. — Неужели ты думаешь, что если бы Чжу Чэньюань вернулся и узнал обо всем, мы не нашли бы для себя никакого другого занятия?

— Ну-у... — Металлический палец заскреб по хромированному затылку. — Простите, господин Хуай, но алгоритмы Анно не могут смоделировать иной логический финал для вашей встречи.

— У нас нашлась бы уйма других дел.

— Люди на редкость искусно умеют себя обманывать.

Хуай Янь лишь молча покачал головой.

<http://bllate.org/book/20433/2105786>